

А. С. Палкин

ПОЛЕМИКА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЭЛИТ ЕДИНОВЕРИЯ О ПУТЯХ ЕГО РАЗВИТИЯ В 1860-е гг.*

Единоверие¹ на рубеже 1850–1860-х гг. вступило в новую эпоху своего существования. Однако изменения, ознаменовавшие новый этап его развития, были весьма неоднозначными. С одной стороны, была прекращена практика массового насильственного насаждения единоверия, а с другой стороны, законодательная база, делопроизводственная практика² и кадры³ (прежде всего церковные), определявшие государственное отношение к старообрядчеству и единоверию, остались, по сути, прежними.

Изменение условий на местах, выразившееся в некотором послаблении властей в отношении староверов, привело к еще большей дифференциации уже сформировавшихся двух групп единоверцев — социальных низов (крестьяне, мастеровые, мелкотоварные производители, мелкие торговцы и т. п.) и социальных и интеллектуальных элит (купцы, бывшие старообрядческие «лжеиерархи» и «лжепопы», некоторые единоверческие священники и т. п.). Первые, в большинстве своем загнанные в единоверие силой, при любой возможности старались уйти из навязанной им «никонианской» веры. В основном это выражалось в пассивных формах протеста: в непосещении служб, неисполнении христианских треб (крещения, венчания, отпевания)

и обязанностей (исповеди, причастия), — нередко — в прямом уклонении в раскол.⁴

Со второй группой ситуация была более сложной, что было обусловлено неоднородностью происхождения ее членов. Часть из них также приняла единоверие под давлением, часть же сделала это более или менее добровольно. Важной чертой этой группы было желание улучшить положение единоверцев, а порой и староверов, с которыми многие из ее членов не прерывали контактов и после обращения в единоверие. В этой интеллектуальной среде с начала 1860-х гг. разгорелись споры о дальнейших судьбах старообрядчества и единоверия.

Интересно отметить, что данные споры, равно как и процессы формирования идеи единоверческого епископата, не нашли должного отражения ни в дореволюционной, ни в современной историографии единоверия, включая исследование Р. А. Майорова,⁵ посвященное одному из главных героев тех событий. Незаслуженно оказалась «забыта» переписка екатеринбургского купца Гавриила Фомича Казанцева⁶ с петербургским священником Иоанном Тимофеевичем Верховским⁷ и другими деятелями единоверия. Между тем этот источник⁸ содержит уникальные материалы для реконструкции интеллектуальной

¹ Единоверие — форма присоединения старообрядцев к РПЦ, при которой единоверцы сохраняли богослужение по старым книгам и обрядам, но подчинялись епархиальному начальству господствующей церкви. Официально учреждено в 1800 г., его основой стали «Пункты» митрополита Московского Платона (Левшина).

² См.: Ершова О. П. Старообрядчество и власть. М., 1999. С. 127, 128, 136, 138.

³ Речь идет прежде всего о епархиальных архиереях и составе Св. Синода, где определяющую роль играл митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) — известный консерватор и непримиримый противник старообрядчества.

Палкин Александр Сергеевич — аспирант кафедры истории России департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств УрФУ (г. Екатеринбург)
E-mail: alexander.palkin87@gmail.com

* Исследование проведено при финансовой поддержке УрФУ, оказываемой молодым ученым в рамках реализации программы развития УрФУ

⁴ См., например: Палкин А. С. К истории часовни в деревне Лая: из раскола в единоверие и обратно // Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию: материалы конф. Екатеринбург, 2012; См. также: РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 508. Л. 106.–2; ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 828, 866, 867, 868, 869 и др.

⁵ Майоров Р. А. Единоверие и лидер его соединенческого направления второй половины XIX в. священник Иоанн Верховский: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

⁶ См. о нем: Байдин В. И. Казанцев Гавриил Фомич // Главы городского самоуправления Екатеринбурга. Исторические очерки. 2-е изд., доп. Екатеринбург, 2008. С. 96–101; Он же. Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII — начале XX вв. (На примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. [Вып. 1]. С. 17, 18; Палкин А. С. Купец-единоверец Г. Ф. Казанцев: между верой и государством // Историческая динамика российских нравов: консерватизм vs. модернизация: материалы Всерос. конф. с междунар. участием (20 апреля 2012 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2012. С. 46–52.

⁷ См. о нем: Майоров Р. А. Указ. соч.

⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

жизни единоверцев в 1860-е гг. Попытаемся охарактеризовать их взгляды на единоверие.

И. Т. Верховский выделял два вида единоверия — то, о котором просили московские старообрядцы в 1799 г. («истинное», «святое»), и навязанное митрополитом Платоном («официальное, фальшивое, лживое», «бездушное и бессмысленное», «нечисть наносная»). Принимая официальное единоверие, староверы «быстро прерождаются, теряют дух и смысл, делаются ни то старообр[ядцами], ни то православными (в официальном смысле сего слова)». Верховский писал также о том, что иерархи господствующей церкви прямо заявляют о намерении поглотить «наше старообрядчество своим никонообрядчеством». Отец Иоанн полагал, что «платоновское единоверие» необходимо упразднить, поскольку оно — «подлинное подражание латинской унии, ее иезуитской смысленности. Заслугу старообрядству оказало не “единоверие”, а признание старых обрядов». Единоверие же нанесло старообрядчеству неизмеримый вред. Старообрядцы, как прямодушные и честные люди, уклоняются от этих «двуличных иезуитских объятий церкви», от которой одновременно слышатся и проклятия, и благословения. Единоверие началось в Новороссии, а затем стало насаждаться по указу 12 марта 1798 г. Митрополит Платон сделал его половинчатым, повернув с истинного пути процесс соединения староверов с церковью, который успешно протекал при Екатерине II. Отец Иоанн выделял два термина — «соединенство», т. е. доплатоновское единоверие, к которому следует вернуться, и собственно «единоверие», от которого он отрекся.⁹

Г. Ф. Казанцев был решительно не согласен с оценками Верховского, что, видимо, было обусловлено во многом особым положением той части уральских единоверцев, к которой принадлежал Казанцев. Он считал, что единоверие принесло старообрядчеству значительную пользу, поскольку с его утверждением появилась возможность исповедовать старые обряды в церкви, так как она их признала. В несчастях, которые единоверие принесло старообрядчеству, виновато не оно само, а чуждая ему власть и архиерейство. Вот что Казанцев пишет о двух апологетах и основателях единоверия: «Нет, пречестнейший Иоанн Тимофеевич! Память Платона митрополита

должна быть чтима нами, а не предаваема в порицание. Скорее порицание падает на настоящего преемника его кафедры, который в наш просвещенный гуманный век не хочет и слышать ни о каких уступках делу старообрядства ради мира церковного и блага отечества и недостойною его великого сана интригою по системе Лойолы и его учеников действует, как средневековый иерарх Западной церкви, в деле нашем. Да отпустит ему Господь грех сей!»¹⁰

Верховский критиковал деятельность архиепископа Аркадия (Федорова), насаждавшего единоверие на Урале, обвиняя его в лукавстве. Казанцев же относился к нему «с почтительной благодарностью... за то, что он покровительствует единоверию».¹¹

Не совпадали их взгляды и на Белокриницкую иерархию, которую Казанцев откашивался признать своей ввиду ее неканоничности, а отец Иоанн даже признавал верховенство австрийцев над единоверцами.¹²

Удивительно, что единоверческий священник, потомок известного апологета единоверия, поносит единоверие и отрекается от него, доказывая его несостоятельность и нелепость, а старообрядческий старшина, воспитанный в традициях «древлего благочестия», бывший одним из основателей беспрецедентного «единоверия на особых условиях», граничащих с беглопоповскими порядками, оправдывает то же самое единоверие.

Но еще удивительнее то, что, несмотря на огромную разницу во взглядах, Верховский и Казанцев сохраняли свои отношения и даже сотрудничали друг с другом.¹³

Рассмотрим важнейший в духовных спорах единоверцев вопрос о епископе. Данный вопрос был теснейшим образом связан с положением единоверцев в организационной структуре официальной церкви. Проекты создания единоверческого епископата хорошо вписываются в историю поисков альтернативных официальному единоверию вариантов соглашения с властями.

Проекты староверов, в первую очередь уральских, направленные на поиск такового соглашения, появлялись в период с 1818 по 1837 гг. Они имели своей целью минимизацию участия официальной церкви в делах старообрядцев. Часть староверов была не против полу-

⁹ Там же. Л. 12, 120б., 130б., 14, 114–123, 141, 1640б.

¹⁰ Там же. Л. 12, 120б., 130б., 14, 151.

¹¹ Там же. Л. 140б., 15.

¹² Там же. Л. 1470б., 148, 151, 1510б.

¹³ Там же. Л. 99–100.

чать дозволенных беглых или официально поставленных священников от господствующей церковной иерархии, но не желала организационно входить в ее структуру. Все эти проекты были отвергнуты властями как неприемлемые, а по поводу последнего проекта последовало личное запрещение императора подавать такие прошения впредь.¹⁴

С восшествием на престол Александра II и началом либеральных веяний в стране в старообрядческо-единоверческой интеллектуальной среде, не желавшей принять не совсем каноничную, с их точки зрения, и совсем незаконную, с точки зрения государства, Белокриницкую иерархию,¹⁵ было возобновлено обсуждение возможности прошения у властей старообрядческого или единоверческого епископа.

Вопрос о епископе всегда был насущным и большим в среде староверов-беглопоповцев¹⁶ (составлявших основу единоверцев). Собственно, отсутствие епископов и привело значительную часть старообрядцев к беглопоповской практике. Первые стародубские «согласники»¹⁷ просили себе полноценную трехчинную иерархию.¹⁸ Однако ни это прошение, ни последующие не были удовлетворены, и единоверие, по правилам митрополита Платона, получило только два чина (дьяконский и священнический), третий же чин — епископский — принадлежал господствующей церкви. Такое положение дел, по мнению иерархов греко-российской церкви, должно было демонстрировать единство православной и единоверческой церквей. Однако староверы и многие единоверцы полагали, что отсутствие единоверческого архиерея демонстрирует неполноценность единоверия. Находиться под началом иерархов церкви, проклиная старые обряды, считалось «ззорным», а служение православных архиереев по старым обрядам в единоверческих храмах воспринималось некоторыми старообрядческими полемистами как лицемерие.¹⁹

В первой половине 1860-х гг. обсуждение планов создания единоверческого епископата проходило в трех крупных центрах единоверия — Санкт-Петербурге, Москве и Екатеринбурге. Не были едины в своих мнениях не только представители разных общин, но и члены одной общины, среди которых также имели место горячие споры.

По всей видимости, изначально существовало два проекта создания единоверческого епископата.²⁰ Стоит отметить, что появление этих проектов, оформленных в виде прошений, не было неожиданностью для светских и духовных властей империи. В марте 1864 г., по высочайшему повелению, в Синоде началось обсуждение вопроса о единоверческом епископе. К моменту подачи первого прошения в мае того же года церковь выработала консолидированную позицию по этому вопросу (определявшуюся мнением митрополита Филарета).²¹

В проекте приговора (датирован 1864 г.), разработанного представителями московской буржуазии, нашли отражение наиболее злободневные аргументы, с помощью которых единоверцы пытались убедить правительство даровать им епископа.

Московские единоверцы подчеркивали связь со своими «отцами», подававшими прошение о дозволении им священства в 1799 г.²² Итоговый вариант соглашения 1800 г. оказался совсем не таким, как ожидали староверы. Москвичи писали, что шестидесятилетний опыт «доказал нам неудовлетворительность в пасении нас одними нашими священниками без епископов, содержащих с нами одинаковые обрядовые убеждения». Эта «неудовлетворительность» доказывалась и наличием «клятв»²³ собора 1666/1667 г.

²⁰ Фактически проектов было три — московский, екатеринбургский и петербургский. Однако последние два проекта, по сути, дополняют или уточняют друг друга, представляя одно направление мысли, и далее они рассматриваются как один проект Казанцева–Верховского. См.: РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–68об. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет провести их подробный анализ.

²¹ См.: Палкин А. С. Единоверие глазами архиереев РПЦ (XVIII — начало XXI в.) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Екатеринбург: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 2010. С. 233, 234.

²² См.: Пункты прошения Московских старообрядцев на высочайшее имя об устройении самостоятельной старообрядческой (раскольнической) церкви // Лысогорский Н. В. Московский митрополит Платон Левшин как противораскольнический деятель. Ростов н/Д., 1905. С. 468–475 и далее.

²³ «Клятвы» — проклятия, которым подверглись старые обряды и их приверженцы на Московском соборе 1666–1667 гг. Отменены на Поместном соборе РПЦ 1971 г.

¹⁴ См.: Байдин В. И. У власти. Купцы-старообрядцы и общество старообрядцев Сибирского края // Родина. 2003. № 8. С. 118–120.

¹⁵ Белокриницкая (Австрийская, Буковинская) иерархия была основана бывшим боснийским митрополитом Амвросием, перешедшим в старообрядчество в 1846 г. Эта новая иерархия быстро распространилась по территории Российской империи, создав серьезную конкуренцию единоверию.

¹⁶ См.: Верховский Т. А. Искание глаголемыми старообрядцами в XVIII веке законного архиерейства. СПб., 1868.

¹⁷ Так называли единоверцев до 1800 г.

¹⁸ Трехчинная иерархия состоит из дьяконов, священников и епископов.

¹⁹ См., например: ОСРК РНБ. Q. I. 1093. Л. 36.

Москвичи отмечали опасность, исходящую от Австрийской иерархии, которая «наводняет нашу Россию Архиереями и Священством»: староверы, принадлежащие к этой иерархии, считают себя удовлетворенными и не идут в единоверие, наоборот, единоверцы переходят в «австрийщину». Просители замечали, что в «единоверческих церквях число прихожан значительно стало уменьшаться». Москвичи предполагали, что в случае, если австрийцы перевезут в Россию всю иерархию, произойдет «решительное падение нашего единоверия». Восстановление же легального института «старообрядческих епископов» (фактически единоверческих) будет способствовать миру в церкви. Единоверческая иерархия приведет и к переходу в единоверие части австрийцев. Данный приговор планировалось оформить в виде просьбы к императору.²⁴ В Москве обсуждался и вопрос о материальной стороне содержания будущего епископата. Для этой цели предполагалось направлять средства от выручки единоверческой типографии в Москве. С ее доходов (которые, как и объемы печати, планировалось многократно увеличить после создания иерархии) можно было бы содержать 10 епископов с духовными училищами.²⁵

Однако проекту московских единоверцев было суждено остаться лишь на бумаге. 1 мая 1864 г. этот проект был подан митрополиту Филарету. «Маститый архипастырь» выступил категорически против подобных инициатив, заявив москвичам (в промежутке между 1 и 25 мая), что нет у единоверцев никаких особых нужд и существующее положение дел должно их устраивать. Вследствие такого поворота событий москвичи отказались от идеи подавать прошение императору первыми, однако в случае подачи просьбы кем-то другим они обещали ее поддержать.²⁶

На Урале также следили за московской ситуацией и параллельно разрабатывали свой вариант решения данной проблемы. Лидер екатеринбургских единоверцев Г. Ф. Казанцев не питал иллюзий по поводу настроений митрополита Филарета насчет единоверческого епископата. Вот что он писал по этому поводу в письме от 16 мая И. Я. Рязанову:²⁷ «...расхлещет он (митрополит Филарет — А. П.) наши

пункты на все корки... подготовит оппозицию в Синоде и в высших властях и все наше дело испортит. Дай Бог, чтоб я на сей раз ошибся! Мое мнение: нам свое дело надобно делать безотлагательно, положась на Благодать Божию и Его святое милосердие, да на милость монаршую».²⁸ Таким образом, екатеринбуржцы планировали повторить успех 1838 г., когда удалось достичь приемлемых условий компромисса со светскими властями в лице министра внутренних дел.²⁹ На сей раз они решились действовать через министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, «великого дипломата» и «отечественника», который мог, по мнению И. Т. Верховского, «исправляя и просвещая воззрения правительства на старообрядство», повлиять на его отношение к староверию, а также ходатайствовать перед императором об удовлетворении прошения единоверцев.³⁰

Руководителей екатеринбургского центра в их стремлении получить отдельного епископа от господствующей церкви поддержали единоверцы Невьянска и Нижнего Тагила. Интересна позиция черноисточинских единоверцев. Они, посоветовавшись с местными староверами (поповцами и беспоповцами), решили, что первых трех епископов (или, на крайний случай, одного) должны посвятить греческие вселенские патриархи. Епископ должен быть рукоположен не из иерархии господствующей церкви, «отпавшей от православия» со времен Никона. Эти слова многое говорят об «искренности» черноисточинских единоверцев, де-факто оставшихся в старообрядчестве. Присоединившись к единоверию, они были обязаны почитать эту иерархию как праведную, но на деле воспринимали ее как еретическую! Такая позиция черноисточинских единоверцев породила их споры с екатеринбуржцами, и до сих пор неизвестно, изменили ли свое мнение черноисточинцы или нет.³¹

В письме Г. Ф. Казанцеву от 29 мая 1864 г. московский купец — горячий сторонник единоверческого епископата, осуждавший нерешительность своих собратьев, — Иван Иванович Шестов писал о том, что москвичи не смогут поддержать инициативу Казанцева, однако

²⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 70–71об.

²⁵ Там же. Л. 76об.

²⁶ Там же. Л. 49–50, 75–76об.

²⁷ См. о нем: Байдин В. И. Иван Якимович Рязанов // Главы городского самоуправления Екатеринбурга. С. 102–105.

²⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 52, 52об.

²⁹ Таким образом, было фактически создано «единоверие на особых условиях», предусматривавшее значительную автономиию для части уральских единоверцев. См.: Байдин В. И. У власти. Купцы-старообрядцы и общество старообрядцев Сибирского края. С. 118–120.

³⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 88.

³¹ Там же. Л. 64–69об., 96, 96об., 101, 101об.

просил его выступить в защиту нужд единоверцев даже в одиночку. К этому шагу Казанцева подталкивали также и слухи о том, что в Государственном совете идут серьезные разговоры о даровании староверам священства.³²

Наиболее оживленная, продуктивная и интересная дискуссия развернулась в переписке между Г. Ф. Казанцевым, представлявшим мнение и интересы интеллектуальной элиты единоверцев горнозаводского Урала, и единоверческим священником И. Т. Верховским, выступавшим от немногочисленной группы петербургских активных единоверцев (большая часть столичных единоверцев были на редкость пассивными и не осознавали своих конфессиональных интересов³³). В письмах екатеринбургского купца и столичного священника были обстоятельно рассмотрены вопросы не только о единоверческом епископе и отмене «клятв» на старые обряды, но и о самой сущности единоверия.

И. Т. Верховский в письме от 18 июня 1864 г. писал, что вера у церкви и старообрядцев одна, а различия есть лишь в обрядах. Раздоры по поводу этих обрядов могут быть преодолены двумя способами: «...или а) соглашением всех к одному обряду; или б) признанием с обеих сторон равночестности и равноправности обоих обрядств... Но единоверие не есть признание Российскими церковью и правительством равночестности и равноправности обоих обрядов. А потому не есть и примирение, а известная, на хитрости и невежестве основанная, правительственная мера... Только дарование нам именно независимой и самостоятельной иерархии было бы действительным признанием равночестности и равноспасительности нашего древнего обряда с Греко-Московским. А следовательно, единственной действительной мерою примирения, а не фальшивою, как пункты преосв. м[итрополита] Платона... Голос всего старообрядства требует, чтобы наши епископы не сообщались с господствующими, пока не будут уничтожены все средостения между нами и ими, все причины, препятствующие ныне этому общению». Большинство же староверов, по мнению отца Иоанна, пойдет на при-

мирение с господствующей церковью только на условиях ее возвращения к дониконовским обрядам, что тоже противоречит принципу равночестности: «...хотя требование толпы от Греко-Рос[сийской] Ц[еркви] оставить Никонские обряды невежественно и насильственно, а все-таки права толпа, а не интеллигенция, которая уповает удовольствоваться уничтожением клятв».³⁴

Тем временем более умеренные москвичи решились действовать традиционным способом: 23 июля 1864 г. они побывали на приеме у митрополита Филарета. Митрополит посоветовал им просить о снятии «клятв» собора 1666/1667 г. с участием восточных православных патриархов (что фактически откладывало решение вопроса о «клятвах» на неопределенный срок), а также просить епископов, подконтрольных Синоду (удовлетворение этой просьбы было также маловероятно).³⁵ Факт подачи такого прошения внес раскол в ряды единоверцев и явился весьма неприятным известием для Верховского и Казанцева.³⁶ Компромиссное прошение московских единоверцев внесло раскол и в саму московскую общину. Однако к решительным действиям не были склонны ни сторонники, ни противники независимого старообрядческо-единоверческого епископата. Вот как прокомментировал эту ситуацию московский купец Андрей Дмитриевич Петров: москвичи «очень разъединены, одним словом, у них нет ни единства, ни крепкого духа, сфера этих людей деньги, деньги и деньги, они о другом и знать не хотят».³⁷

Осенью 1864 г. в Москве вновь повторилась попытка принятия текста прошения на Высочайшее имя. В начале октября десять единоверцев собрались в доме купца Кабанова и составили приговор, основываясь на записях Казанцева и на первоначальном московском проекте. Противники дела, чтобы отложить его в долгий ящик и фактически саботировать, подняли вопрос о «клятвах», полагая включить его в прошение — и отменить «клятвы» с участием вселенских патриархов. В результате вопрос о «клятвах» решено было оформить отдельным прошением. Важнейшей задачей было обеспечить участие в прошении поволжских и донских единоверцев. Удалось их привлечь или нет — неизвестно. Однако можно

³² Там же. Л. 72–74.

³³ Столичные единоверцы не были готовы отстаивать свои интересы. Так, например, они позволили епархиальным властям забрать чудотворную Тихвинскую икону Божьей Матери. Эта икона стала источником немалых доходов причта Исаакиевского собора. С такой же апатией петербуржцы относились и к идее создания единоверческого епископата. См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 180б., 19.

³⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 86–89об.

³⁵ Там же. Л. 97, 97об.

³⁶ Там же. Л. 23–28об.

³⁷ Там же. Л. 31–32, 35–36об.

однозначно сказать, что победила соглашательская позиция (на подписание приговора даже не пригласили упоминавшихся выше несогласных Петрова и Шестова).

К окончательному провалу прошения о епископе привело «предательство» четырех депутатов московских единоверцев, представленных императору в Петербурге в декабре 1864 г. Они отказались отстаивать вопрос о старообрядческом епископе и единоверие не изменило своего прежнего положения.³⁸ Депутаты же, вернувшись в Москву, представляли это как победу, по поводу которой устроили благодарственный молебен и попойку. Дело о епископе в Москве остановилось.³⁹ Это можно объяснить, очевидно, тем, что москвичи, не имевшие такой автономии, как уральцы, зато имевшие значительные капиталы, были гораздо более уязвимы для репрессивных мер правительства, вследствие чего большинство из них сочло более рациональным поступиться религиозными интересами ради экономических.

На фоне прошения московских единоверцев, явившегося, в сущности, лишь актом изъяснения верноподданнических чувств монарху, прошение Казанцева-Верховского о самостоятельной старообрядческой иерархии было воспринято как «неуместное домогательство», о чем было объявлено в предписании министра внутренних дел от 13 января 1865 г. По этому поводу Казанцев сетовал: «Безумие четырех московских самодуров разрушило все наши заветные надежды!!! <...> Правду Наполеон I сказал: “От великого до смешного один шаг”. Австрияки восторженно торжествуют о нашей неудаче и надсмехаются над нами, и поделом!» Гавриил Фомич прекрасно понимал, что новое прошение откладывается на неопределенный срок, поскольку митрополит Филарет не собирается уходить на покой, а значит, ситуация не изменится, как минимум, до его кончины.⁴⁰

³⁸ См. об этом событии: Представление московских единоверцев государю императору // Странник. 1865. Т. 1, №1. Отд. 4. С. 23.

³⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–11, 150б., 16, 39–40, 43–44.

⁴⁰ Там же. Л. 134–135. Дополнительным фактором, который мог уверить правительственные круги в правильности выбранного курса, стало присоединение к единоверию целого ряда видных представителей Австрийской иерархии в 1865–1866 гг. и нескольких десятков федосеевцев во главе с Павлом Прусским. См., например: О присоединении к православной церкви на правилах единоверия двух старообрядческих епископов с другими лицами // Калужские епархиальные ведомости. 1865. №12. С. 333, 334; Iwaniec E. Z dziejow staroobrzędowcow na ziemiach Polskich XVII–XX w. Warszawa, 1977. S. 132–134.

Такой поворот дела привел уже пожилого Гавриила Фомича в состояние уныния, в отличие от отца Иоанна Верховского, который воспринял отказ как очередной шаг к высокой цели создания всестарообрядческой иерархии, равной по статусу православной.⁴¹ Эта идея да еще и положительное отношение к австрийцам фактически означали разрыв Верховского с единоверческой церковью. С этого момента дороги екатеринбургского купца и столичного священника разошлись навсегда.⁴²

В заключение хотелось бы отметить, что история единоверия 1860-х гг. в значительной степени отличается от истории единоверия 1830–1850-х гг. В эпоху Николая I главными ее акторами были государственные чиновники и церковные властители, с одной стороны, и целые общины староверов и единоверцев — с другой. В эпоху же Александра II проявилась другая сторона истории единоверия — личностная. Именно в это время появляется целая плеяда сильных и ярких личностей в среде самих единоверцев, пытавшихся влиять на политику светских властей в отношении единоверия и осмыслявших его по-новому. Движение, начатое в 1860-е гг., привело к парадоксальной ситуации в начале XX в. При общем кризисе и неприятии единоверия в большинстве общин «православных старообрядцев» произошел расцвет единоверческой интеллектуальной элиты, успешно включившейся в процесс перестройки официальной церкви. Единоверие из «оружия массового обращения» староверов превратилось в интеллектуальное религиозно-философское течение, искренние сторонники которого составляли относительно узкую прослойку интеллектуалов.

Изучение интеллектуальной истории единоверия представляет собой значимую и актуальную научную задачу. Обусловлено это тем, что интенсивно возрождающиеся по всей России общины единоверцев ищут свои духовные корни. Продолжая традиции своих предков, они искренне верят в возможность сосуществования старого и нового обрядов в рамках единого Вселенского православия.

⁴¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 140–143об.

⁴² Там же. Л. 146об.

Ключевые слова: *единоверие, старообрядчество, единоверческий епископ, Гавриил Фомич Казанцев, Иоанн Тимофеевич Верховский, интеллектуальная история, история Урала*

Alexander S. Palkin

Postgraduate, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *alexander.palkin87@gmail.com*

POLEMICS OF THE REPRESENTATIVES OF THE INTELLECTUAL ELITES
OF EDINOVERIE (UNI-BELIEF) ABOUT THE WAYS OF ITS DEVELOPMENT IN THE 1860s

The article deals with the history of the intellectual confrontation among the advocates of edinoverie in the 1860s. Particular attention is being paid to the disputes among the group members on the subject of establishing a separate edinoverie episcopate with a special focus on the ideas about edinoverie voiced by two of its most prominent supporters — a priest I. T. Verkhovsky and a merchant G. F. Kazantsev. The discussions of the 1860s marked the beginning of a lengthy and gradual process of transformation of edinoverie from the so-called “mass” religion into the “elite” one, the followers of which believed in the possibility of co-existence of the “old belief” practices within the structure of the Russian Orthodox Church. This process was accompanied by strengthening of the role of individuals in the history of edinoverie, which found its manifestation in the emergence of a group of prominent missionaries, philosophers, public figures in the midst of the followers of the edinoverie ideas.

Key words: *edinoverie (uni-belief), the Old Believers, Edinoverie Bishop, Gabriel Fomich Kazantsev, Ioann T. Verkhovsky, intellectual history, history of the Urals*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Baydin V. I. *Glavy gorodskogo samoupravleniya Ekaterinburga. Istoricheskie ocherki: sb. nauch. tr.* (Head of municipal government in Ekaterinburg. Historical essays: collected papers). Ekaterinburg: ID “Sokrat”, 2008, pp. 96–105. (in Russ.).

Baydin V. I. *Rodina* (Motherland), 2003, № 8, pp. 118–120. (in Russ.).

Baydin V. I. *Uralskiy sbornik. Istoriya. Kultura. Religiya: sb. nauch. tr.* (Ural collection. History. Culture. religion: collected papers). Ekaterinburg, Issue 1, 1997, pp. 17–27. (in Russ.).

Iwaniec E. Z Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977, 295 s. (in Polish).

Lysogorskiy N. V. Rostov-on-Don: elektro-pechatnya Ter-Abramian, 1905, 660 p. (in Russ.).

Mayorov R. A. *Yedinoverie i lider ego soedinencheskogo napravleniya vtoroy poloviny XIX v. svyashchennik Ioann Verkhovskiy. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* (Commonness of religion and the leader of his soedinencheskogo direction of the second half of XIX century priest John Verkhovsky. Thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences). Moscow: MGPU, 2008. 253 p. (in Russ.).

O prisoedinenii k pravoslavnoy tserkvi na pravilakh edinoveriya dvukh staroobryadcheskikh episkopov s drugimi litsami (On joining the Orthodox Church on the rules of the two Old Believer bishops commonness of religion with others). *Kaluzhskie eparkhialnye vedomosti* (Kaluzhskiye diocesan statements), 1865, № 12, pp. 333, 334 (in Russ.).

Palkin A. S. *Istoricheskaya dinamika rossiyskikh npravov: konservatizm vs modernizatsiya “Materialy Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem”* (The historical dynamics of Russian manners: Conservatism vs Modernization. “Materials of All-Russian Conference with international participation”). Ekaterinburg, 2012, pp. 46–52. (in Russ.).

Palkin A. S. *Mir istorii: novye gorizonty. Ot istochnika k issledovaniyu “Materialy konferentsii”* (World of History: New Horizons. From the source to the study “Proceedings of the conference”). Ekaterinburg, 2012, pp. 11–13. (in Russ.).

Palkin A. S. *Pravoslaviye v sudbe Urala i Rossii: istoriya i sovremennost “Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii”* (Orthodoxy in the fate of the Urals and Russia: past and present) “Materials of All-Russian scientific-practical conference”. Ekaterinburg, 2010, pp. 231–235. (in Russ.).

Predstavlenie moskovskikh edinovertsev gosudaryu imperatoru (Representation of the Moscow fellow the Emperor). *Strannik* (The Wanderer), Vol. 1, №1, branch 4, p. 23. (in Russ.).

Verkhovsky T. A. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovina, 1868, 72 p. (in Russ.).

Yershova O. P. Moscow: Unikum-Tsentr, 1999, 204 p. (in Russ.).